

Могучий Андрей

03.09.96

Сцена. - СПб. - 1996. - Зсцн. - С. 5.

5 Сцена

3 СЕНТЯБРЯ 1996 г.

N 197 (21486)

Искусство / Спорт

Андрей Могучий:

“Чего хочется – так это спокойно делать свое дело”

ТЕМ, КТО не знаком с деятельностью “Формального театра”, для начала следует узнать, что Могучий – это не псевдоним, а фамилия. Обладатель же ее родился в 1961 году в Ленинграде. Учился в ЛИАПе и в Институте культуры на заочном отделении режиссуры драмы. Язык, пластику, методологию собственного театра искал самостоятельно. В 1990 году решил, что настало время обратить внимание театральной общественности на существование “Формального театра”. Летом того же года “вышел в свет” на фестивале театров-студий с “Лысой певицей”, которая мгновенно принесла театру известность.

Весной 1991 года “Формальный театр” устроил акцию “Преступление и наказание” на открытии очередного фестиваля театров-студий на Стрелке Васильевского острова. В многоэтажной конструкции из строительных лесов – то ли башне, то ли корабле – актеры разыграли роман Достоевского буквально за пять минут. Смыловые узлы сюжета оказались разложены на пять кадриков-сцен, снабженных подписями-титрами: “Родя-студент”, “Заклад принес, Алена Ивановна, вот-…”, “Это не я убил...” и так далее. Игра многократно повторялась. Ерническая идея режиссера объединяла необычайную легкость воображения со здоровой свободой в обращении с классикой.

В августе 1991-го на Конгрессе соотечественников в интерьерах Мухинского училища была сыграна премьера “мозговой импровизации” на темы романа Андрея Белого “Петербург”. Постановка на редкость точно передавала, казалось бы, неподвластную языку театра стилистику романа в духе потока сознания. Ситуации и диалоги, интонации и жесты в стремительном ритме нанизывались на жестко выстроенный режиссером сюжетный стержень. Тогда же началась работа над “постмодернистскими играми” под названием “Две сестры” по произведениям Платона и Софокла, Тургенева и Чехова, а кроме того, “Самоучителя французского языка” и “Телефонного справочника”.

Вскоре театр выступил на открытии фестиваля “Кинотавр”, участвовал в фестивале “Ночи в Шереметевском саду”, в Фестивале салютов и фейерверков “Прометей-93”, одну из совместных акций вместе с театром “Гун-го” и “До-театром” провел даже на разводке Кировского моста.

В 1994 году была сыграна премьера одного из интереснейших спектаклей Андрея Могучего – “Орландо фуриозо” по поэме Ариосто “Неистовый Роланд”. Весной 1995-го Андрей Могучий продолжил преподавательскую деятельность, на сей раз – в частной актерской школе “Ди этаже” (“Этажи”) в Берлине. “Формальный театр” был на фестивалях в Германии, Венгрии, Словении. Нынешним летом продолжил традиционные гастрольные поездки по Европе. Последняя премьера – “Рождественский обед” Торнтона Уайлдера.

– Исходя из количества разнообразных совместных акций, которые “Формальный театр” проводил в разные времена с одними и теми же театрами, можно предположить, что вы принадлежите к одной театральной компании. Общаетесь ли вы друг с другом?

– Я до сих пор ни с кем не общаюсь. Я и мой театр всегда были замкнуты сами на себя. Попытки контакта практически ни разу не увенчались успехом. Будь то так называемая “альтернативная” культура с Пушкинской, 10, театр Славы Полунина, “Дерево” Адасинского или Союз театральных деятелей. Мы ни к той, ни к другой культуре никогда отношения не имели. И всегда были сами по себе.

– Ну хорошо, ваш театр – это замкнутая система. Можно ли сформулировать те законы, по которым она существует?

– Люди приходят ко мне в театр случайно. Я никого не зову, не приглашаю. Звезды складываются таким образом, что приходит нужный человек в определенный момент и, уходит, когда становится не нужен. Но на каком-то этапе я сторонник театра с крепкой профессиональной командой. Это задача неизмеримой сложности. Я думаю, что только Полунину в свое время она удалилась “в полный рост”. В то же время, когда мы делали “Лысую певицу” и “Петербург”, у меня была команда, сконцентрированная на моей идеи фикс. Мы были свободны от всех установок и делали раскованный и, я бы даже сказал, наглый театр. Я их на эту идею “подсадил”, и они на этой идее существовали.

– Попробуй сформулировать свою идею фикс.

– Мне не нравятся клиширование и актера, и театра. Поэтому можно сказать, что одна из идей фикс заключается в ее от-

сутствии. Интересно, когда все меняется. Я не сторонник клун-мим-театра или драматического театра в ортодоксальном его понимании. Мне интересно

“То, что в театре
происходит,
вызывает
у меня
мощную аллергию”

практически все. Можно сказать, что это бесхребетность и отсутствие позиции. А у меня ко всем людям и явлениям практически нейтральная позиция. Мне очень нравится мысль Петера Брука, что в театре надо говорить правду. Если актер в “Махабхарате” Брука говорит, что солнце взойдет, то оно всходит. Вот и все. Я театр не люблю и туда не хожу. То, что в театре происходит, у меня вызывает мощную аллергию. Поэтому меня интересуют уличные спектакли – это уже не театр, а некое внедрение в реальность или отстранение реальности. Работа с настоящими небесами и деревьями.

– Как ты репетировал с актерами в “Орландо фуриозо”? Когда его смотришь, то кажется, что актеры существуют как марионетки...

Практически весь спектакль “Орландо фуриозо” был создан этюдным методом. Грубо говоря, мы устраивали читки по Станиславскому. Читать вслух эпизоды – это было уже само по себе методом. Приносили и

смотрели много репродукций – средневековых, возрожденческих. Когда мы начинали, нам еще непонятен был язык, на котором мы будем разговаривать. Не было понятно, что это будет – пантомима или драма, будут ли какие-то слова произноситься на итальянском или на русском. Это все было единым варевом, шаманством.

Насмотревшись средневековых миниатюр, мы пытались делать так, как средневековые мастера-живописцы. В одной миниатуре объединяя много знаков, сюжетов, образов...

– То есть это скорее живопись, чем театр...

– Ну, можно назвать это инсталляцией. Хотя, что значит театр? С моей точки зрения, театр – это практически любое действие, которое происходит во времени, в пространстве и заключено в определенные эстетические рамки. Если я вижу на улице некоего экзотического типа, который не считает себя актером, просто какой-нибудь сумасшедший разговаривает сам с собой, то его вполне может

снимать камера и это может быть эстетическим актом.

– Как ты относишься к определению “альтернативной культуры”, к которой относят и тебя, и Антона Адасинского, и Евгения Козлова, и Сергея Гогуна?

– Что означает “альтернативная культура”? Наверное, да, нам не дают ставок и больших красивых залов... Но нет такого – вот мы сейчас вам всем покажем! Конечно, раньше подсознательно это было. Когда я делал “Лысую певицу”, то был достаточно агрессивен по отношению к окружающему миру. Мы стулья убирали из зала, выводили всех на улицу... Приходили люди – задымлен зал, ничего не видно. В этом, возможно, и была проявленна альтернативность. На самом деле, мы просто таким образом разговариваем. Чего хочется – так это спокойно делать свое дело.

– Как ты относишься к определению “альтернативной культуры”, к которой относят и тебя, и Антона Адасинского, и Евгения Козлова, и Сергея Гогуна?

– Что означает “альтернативная культура”? Наверное, да, нам не дают ставок и больших красивых залов... Но нет такого – вот мы сейчас вам всем покажем! Конечно, раньше подсознательно это было. Когда я делал “Лысую певицу”, то был достаточно агрессивен по отношению к окружающему миру. Мы стулья убирали из зала, выводили всех на улицу... Приходили люди – задымлен зал, ничего не видно. В этом, возможно, и была проявленна альтернативность. На самом деле, мы просто таким образом разговариваем. Чего хочется – так это спокойно делать свое дело.

Беседовала
Екатерина ЕФРЕМОВА
Foto Виктора
ДЮЖАЕВА

